НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБ ОДНОМ АРМЯНО-КЫПЧАКСКОМ ГРАММАТИЧЕСКОМ ПОСОБИИ XVI в.

Среди сохранившихся армяно-кыпчакских оригинальных и переводных текстов, выполненных армянским письмом, особое место занимают различные по объему двуязычные армяно-кыпчакские словари, составленные для облегчения переводческого труда[1], и грамматические пособия, одно из которых описывается ниже.

В рукописи, хранящейся в армянском фонде Матенадарана в Ереване под № 2267[2], наряду с разнохарактерными армянскими материалами собраны восемь армяно-кыпчакских текстов следующего содержания: грамматика — лл. 29а—42б; «История армянского и армяно-кыпчакского языков в толковании Лусика» [словарь труднопонимаемых слов и выражений псалтыря] — лл. 43а—52б; история рождения Христа — л. 112аб; предисловия к евангелиям — л. 113аб; песнь о втором пришествии Христа — л. 129а; лекарство долголетия —л. 130а; «Рассуждения вардапета Ванакана»— л. 131а; «О воскресении Христа» [песнь]— л. 131б.

Рукопись эта, как свидетельствует памятная запись писца, написана в 1581 г. Лусиком Саркавагом, имя которого упоминается также на л. 112б («помяни Лусика»). Данных относительно места написания рукописи не сохранилось, однако, по всей вероятности, она была написана во Львове («Лов»): это подтверждается тем, что хранящийся в библиотеке мхитаристской конгрегации в Венеции за № 81 армяно-кыпчакский псалтырь также был скопирован Лусиком Саркавагом и также в городе Лове (Львове)[3]. Когда рукопись была заново переплетена (на дату, по всей вероятности, указывает поставленная без каких-либо комментариев на л. 18а помета: 1047 г. армянского летоисчисления/1598 г.), к началу рукописи и ее концу присоединили несколько небольших армянских текстов, написанных другим почерком.

Интересующая нас «грамматика» написана в один столбец курсивным письмом по 28—34 строки на каждой странице. Заглавие текста не сохранилось из-за утери начальных листов; не хватает листов и в конце рукописи. Когда рукопись переплеталась заново, края ее были срезаны, вследствие чего несколько пострадал текст «грамматики». Сохранившийся текст начинается с л. 30а рукописи словами *եր կառնում — նէք ալը մէն* и на л. 42б прерывается словами *մէլքս — պէլիմ*. Продолжение текста во время переплета по ошибке попало вперед и теперь занимает л. 29аб, который начинается словами *մէլզ — պէլինկ* и кончается словами *ոչիլ — պիմ*. По поводу неправильного расположения этого листа на полях л. 42а сделана следующая пометка: «на правой стороне ищи это-*մէլզ — պէլինկ*».

Несмотря на то, что заглавие текста не сохранилось и каких-либо указаний относительно автора нет, можно предположить, что автором настоящей грамматики является Лусик Саркаваг, поскольку в заглавии последующего текста в качестве «толкователя» и затем в разных местах текста дважды вполне определенно упоминается его имя.

Описываемое грамматическое пособие в значительной своей части представляет собой своеобразный реестр различных временных форм глаголов армяно-кыпчакского языка. В одной и той же неизменной последовательности даются по семь временных форм 184 глаголов — на первой строке армянские, а ниже, под армянскими формами,— армяно-кыпчакские соответствия: *бар* «иди», *бармандыр* «не иду», *нек барыр мен* «почему иду?», *барыр мен* «иду», *бардым* «я пошел», *барды* «он пошел», *барсар* «пойдет». Иногда эта последовательность нарушается и появляются другие временные формы, порою же автор сознательно увеличивает их число.

За реестром глагольных форм приводится перечень именных частей речи, в котором содержится около 500 существительных, прилагательных и др. Существитель-

---

[1] Один такой довольно большой словарь хранится в фонде армянских рукописей Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром Арм. № 8.

[2] Рукопись № 2267 не имеет отношения к утерянным во время Отечественной войны киевским архивным материалам, часть которых из числа спасенных в настоящее время хранится в ЦГИА Укр. ССР (фонд № 39, опись 1). В 50-х годах прошлого столетия рассматриваемая ниже рукопись хранилась в рукописных фондах Эчмиадзинской библиотеки; без особых подробностей она упоминается в каталоге рукописей Эчмиадзина (Тифлис, 1863 г.) за № 2239.

[3] Б. Саргисян, Каталог армянских рукописей библиотеки мхитаристов Венеции, I, Венеция, 1914, стр. 359—362 на арм. яз.).

ные нередко даны не только в своей словарной, но также и в изменяемых формах; например: *енгса(й)* «затылок», *енгсам* «мой затылок», *енгсанг* «твой затылок», *енгсалар* «затылки».

Такая подача материала в пособии дает возможность составить определенное представление о спряжении глаголов в кыпчакском языке, в частности, позволяет восстановить более или менее целостную картину нескольких глагольных времен. Согласно тексту:

1. Положительная форма настоящего времени изъявительного наклонения образуется из основы глагола, показателя настоящего времени (*-ар, -ыр, -ир, -ур* в соответствии с гармонией гласных) и полных показателей лица:

йас-ар мен «делаю»
йас-ар сен «делаешь»
йас-ар «делает»
йас-ар биз «делаем»
йас-ар сиз «делаете»
йас-ар лар «делают»

2. Отрицательная форма настоящего времени образуется из основы глагола, отрицательной частицы и полных показателей лица:

ман-ман дыр «не погружаю»
ман-ма сен «не погружаешь»
ман-маз дыр «не погружает»
ман-маз биз «не погружаем»
ман-ма сиз «не погружаете»
ман-маз лар «не погружают»

3. Будущее время образуется из основы глагола, показателя *-сар* и полных показателей лица:

ур-сар мен «буду дуть»
ур-сар сен «будешь дуть»
ур-сар «будет дуть»
ур-сар биз «будем дуть»
ур-сар сиз «будете дуть»
ур-сар лар «будут дуть»

4. Отрицательная форма будущего времени [4] образуется из основы глагола, отрицательной частицы *-ми*, показателя *-ур* и полных показателей лица:

бил-ми-ур мен «не узнаю»
бил-ми-ур сен «не узнаешь»
бил-ми-ур «не узнает»
бил-ми-ур биз «не узнаем»
бил-ми-ур сиз «не узнаете»
бил-ми-ур лар «не узнают»

5. Прошедшее совершенное время образуется из основы глагола, показателя прошедшего времени и кратких личных окончаний (*-ды-м, -ды-нг, -ды, -ды-х, -ды-нгыз, -ды-лар*, причем в соответствии с гармонией гласных гласный *ы* временного показателя варьируется *и/ы/у*):

атлан-ды-м «я сел (на лошадь)»
атлан-ды-нг «ты сел (на лошадь)»
атлан-ды «он сел (на лошадь)»
атлан-ды-х «мы сели (на лошадь)»
атлан-ды-нгыз «вы сели (на лошадь)»
атлан-ды-лар «они сели (на лошадь)»

6. Отрицательная форма прошедшего совершенного образуется из основы глагола отрицательной частицы *-ма*, показателя прошедшего времени и кратких личных окончаний:

ал-ма-ды-м «я не взял»
ал-ма-ды-нг «ты не взял»
ал-ма-ды «он не взял»
ал-ма-ды-х «мы не взяли»
ал-ма-ды-нгыз «вы не взяли»
ал-ма-ды-лар «они не взяли»

7. Будущее желательное образуется из основы глагола, показателя *-ка(й)* и полных показателей лица:

арт-ка(й) мен «я прибавил бы»
арт-ка(й) сен «ты прибавил бы»
арт-ка(й) «он прибавил бы»

арт-ка(й) биз «мы прибавили бы»
арт-ка(й) сиз «вы прибавили бы»
арт-ка(й) лар «они прибавили бы»

8. Давнопрошедшее время образуется из основы глагола, временного показателя (*-ып, -ип, -уп* — в соответствии с гармонией гласных) и полных показателей лица:

дуруп мен «я стоял»
дуруп сен «ты стоял»
дуруп «он стоял»
дуруп биз «мы стояли»
дуруп сиз «вы стояли»
дуруп лар «они стояли»

В 3-ем лице ед. числа, как правило, показатель лица отсутствует, однако в составе одного примера встречается связка: *надирланып дыр* («приготовился»).

9. Единственное число повелительного наклонения представляет собой основу глагола, к которой часто добавляется частица *-гин*: *йаса(й)* «сделай», *овран* «выучи», *пуз-гин* «разрушай», *сор-гин* «спроси».

10. Отрицательная форма повелительного наклонения образуется от основы глагола путем прибавления частицы *-ма(й)*; подобно положительной отрицательная форма повелительного наклонения также имеет образуемые частицей *-гин* усиленные формы: *бол-ма(й)* «не будь», *бил-ма(й)* «не знай», *бошат-ма(й)-гин* «не опорожняй».

11. Составное сказуемое образуется из именной части сказуемого и полных показателей лица:

сусах мен «жажду»
сусах сен «жаждешь»
сусах тыр «жаждет»
сусах биз «жаждем»
сусах сиз «жаждете»
сусах лар «жаждут»

12. Вопросительное предложение имеет в своем составе вопросительное местоимение *нек*, которое ставится перед глаголом: *нек чладыр мен* «почему орошаю?», *нек чрмасар мен* «почему заверну?», *нек салманд*[*ыр*] «почему не пускаю?»

[4] В тексте описываемого пособия форма *билмиур мен* передается армянской формой, означающей «не узна́ю».

13. Глаголы страдательного залога образуются путем присоединения к основе суффикса *-н-*: *сахла(й)* «спрячь»—*сахлан* «спрячься», *йаланачладым* «(я) разоблачил»—*йаланачландым* «(я) разоблачил себя».

Возможности, представляемые текстом «грамматики», не исчерпываются этим; пособие позволяет также рассмотреть и другие разнообразные грамматические явления, анализ которых, однако, выходит за рамки настоящего сообщения. Нет сомнения, что научная публикация текста «грамматики» может быть полезной для дальнейшего изучения армяно-кыпчакского языка.

О. С. Еганян

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

20—25 ноября 1961 г. в Институте славистики при Университете Эрнста — Морица — Арндта в Грейфсвальде (ГДР) была проведена «Славистическая неделя», посвященная 65-летию проф. Ф. Ливера. На конференцию прибыли ученые из Брно, Варшавы, Торуни, а также из различных институтов славистики ГДР. «Славистическая неделя» была посвящена в основном двум вопросам: развитию литературных языков и проблемам диалектологии. Рассмотрение этих вопросов вполне оправдано в рамках предстоящего V Международного съезда славистов.

Д-р Слижинский (Варшава), сделавший доклад на тему «Из переписки Бодуэна де Куртене с Э. Мука», представил материал 57 неизданных писем Бодуэна де Куртене к Мука, сохранившихся в архиве Пражского народного музея. Д-р Елинек (Брно) в докладе «К теоретическим проблемам сравнительной стилистики славянских языков» подчеркнул важность изучения как различных функциональных стилей, так и тенденций развития так называемых «объективных» стилей и привел многочисленные примеры взаимосвязей стилистических явлений с грамматической и лексической системой отдельных славянских литературных языков.

В докладе «Славянские национальные языки в период возрождения» проф. д-р Пойкерт (Иена) подчеркнул значение указанного периода для формирования славянских национальных языков в области бывшей Австро-Венгерской монархии. Проф. д-р Вечоркевич (Варшава) затронул принципиальные теоретические вопросы диалектологии в своем докладе «Проблемы польской диалектологии». После краткого обзора истории польской диалектологии докладчик проанализировал методологические основы варшавской и краковской диалектологических школ и подчеркнул важность привлечения для диалектологического исследования так называемых профессиональных языков и языков различных социальных групп городского населения. Д-р Я. Бауэр (Брно) прочел доклад на тему «О происхождении типов сложного предложения», в котором выступил против теории «двух путей возникновения подчиненного предложения». Д-р Мошиньский (Торунь) сделал доклад о славянских названиях ошейника. Этот доклад в известной мере является дополнением и иллюстрацией к основным положениям доклада Вечоркевича.

На конференции был прочтен также ряд докладов, посвященных проблемам славянской литературы, литературных языков и литературных связей. 22 ноября 1961 г. философский факультет университета в Грейфсвальде за научные и общественные заслуги присвоил проф. Ф. Ливеру звание доктора философии honoris causa.

Полное содержание докладов «Славистической недели» будет опубликовано в «Научном журнале университета в Грейфсвальде».

К. Габка (Грейфсвальд)

С 17 по 20 января 1962 г. в Баку проходило региональное совещание по вопросам категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках, созванное по инициативе Института литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР. В работе этого совещания приняли участие работники научно-исследовательских учреждений и вузов Ашхабада, Баку, Москвы, Нальчика, Ташкента, Уфы, Фрунзе, Черкесска, Якутска. Всего было заслушано и обсуждено более 15 докладов и сообщений как общетеоретического, так и конкретно-информационного плана.

Д-р филол. наук Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Категория наклонения и времени в тюркских языках», остановившись на актуальных вопросах о месте этих категорий в системе тюркских языков, рассматривал как словообразовательные четыре основные категории глагола: залог, вид, наклонение и время. По его мнению, первые две категории относятся к объективной характеристике действия. Категории времени и наклонения, являясь формами субъективной характеристики действия (так как они характеризуют реальность действия и его протекание с точки зрения самого говорящего), также должны включаться в словообразование; эти формы в тюркских языках выражаются единой синкретической формой, т. е. являются категориями не вполне дифференцированными и исторически развивались одновременно по двум группам словообразовательных форм.